

**Ярослава
Владимировна
КОМИССАРОВА,**

доцент кафедры
криминалистики

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

jvkomissarova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Проблемные аспекты коммуникативной составляющей судопроизводства

Аннотация. Сегодня внимание юристов сосредоточено в большей мере на вопросах цифровизации судопроизводства в целом и судебной коммуникации, основанной на речевой деятельности участников процесса. Проблемы судопроизводства как самостоятельного вида социальной коммуникации остаются в тени. Поскольку показания участников судопроизводства являются самыми распространенными доказательствами, правоприменители нуждаются в актуальной информации о специфике их формирования и получения. Исследования, проводимые учеными-психологами в разных странах мира, в настоящее время ставят под вопрос возможность использования в доказывании без дополнительной проверки показаний даже добросовестных участников процесса. Правоприменители объективно не способны отличить ложные воспоминания от тех, которые связаны с событиями, действительно имевшими место. При проверке информации, сообщаемой участниками судопроизводства, следует использовать специальные знания из области лингвистики, психологии, психофизиологии и смежных областей. При этом выявление экспертным путем признаков осведомленности участника судопроизводства о юридически значимом событии либо искажения им сообщаемой информации необходимо отличать от процессуальной оценки доказательств.

Ключевые слова: правосудие, уголовное судопроизводство, международный коммерческий арбитраж, доказательства, межличностная коммуникация, психология памяти, показания участников судопроизводства, достоверность показаний.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.038-046

Yaroslava V. KOMISSAROVA,

Associate professor of Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor

[Jvkomissarova@msal.ru](mailto:jvkomissarova@msal.ru)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Problematic Aspects of the Communicative Component of Legal Proceedings

Abstract. Today, the attention of lawyers is focused more on the issues of digitalization of legal proceedings in general and judicial communication based on the speech activity of participants in the process. The problems of

legal proceedings as an independent type of social communication remain in the shadows. Since the testimony of participants in the proceedings is the most common evidence, law enforcement officers need up-to-date information about the specifics of their formation and receipt. Research conducted by psychological scientists in different countries of the world currently calls into question the possibility of using even bona fide participants in the process in evidence without additional verification of the testimony. Law enforcement officers are objectively unable to distinguish false memories from those related to events that actually took place. When checking the information provided by the participants in the proceedings, special knowledge from the field of linguistics, psychology, psychophysiology and related fields should be used. At the same time, the identification by expert means of signs of the participant's awareness of a legally significant event or distortion of the information reported by him must be distinguished from the procedural evaluation of evidence.

Keywords: justice, criminal proceedings, international commercial arbitration, evidence, interpersonal communication, psychology of memory, testimony of participants in court proceedings, reliability of testimony.

Трансформационные процессы, протекающие сегодня во всех сферах жизнедеятельности общества, меняют среду, в которой происходит общение между участниками судопроизводства. Понимание сути происходящих преобразований и соответствующее им обновление нормативно-правовой базы обуславливают необходимость диалога между специалистами в различных областях знания, поскольку понятие «общение» многозначно. Речь идет о сложном процессе установления и развития контактов между людьми, охватывающем: коммуникативную (обмен информацией), интерактивную (взаимодействие) и перцептивную (восприятие и понимание) составляющие¹.

Иногда термины «общение» и «коммуникация» используют в качестве синонимов, что не совсем верно. Термин «коммуникация» (лат. communicatio от communico — делаю общим, связываю, общаюсь) появился в научной литературе в начале XX в. С его помощью обозначают информационные процессы не только между людьми, но и с представителями животного мира, а также между неодушевленными объектами (например, техническими устройствами). Понятия «общение» и «коммуникация» пересекаются, когда рассматриваются передача информации от человека к человеку (межличностная коммуникация) и обмен информацией в обществе (социальная коммуникация)². В этом случае коммуникация предстает перед нами «как процесс создания общего, в котором мы

¹ Комиссарова Я. В., Семенов В. В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М. : Юрлитинформ, 2004. С. 11—12.

² Подробно см.: Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации : учебник. М., 2002. С. 11 ; Колесникова С. В. Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352 (Ноябрь). С. 183—186.

осмысливаем информацию, стремясь к взаимопониманию через совместное смыслообразование»³.

Коммуникация как социальный процесс представляет собой единство технической, семантической и прагматической составляющих. Технический аспект коммуникации связывают с передачей информации по соответствующим каналам. Семантический отражает передачу и прием информации, включая ее понимание получателем. Прагматический учитывает влияние принятой информации на поведение получателей и эффективность использования ими этой информации⁴.

Как вид социальной коммуникации судопроизводство⁵ обладает мощным потенциалом с точки зрения влияния на общество в целом и каждого человека в отдельности. Жажда мести (при упрощенном толковании принципа «око за око и зуб за зуб») трансформируется в осознание неотвратимости возмездия за любое правонарушение: таким образом правосудие, осуществляемое в рамках судопроизводства, оказывает воспитательное воздействие на граждан.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство призвано обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Указанная цель достигается за счет использования нормативного правового «программирования» образа действий участников судопроизводства в условиях предварительно прогнозируемых ситуаций. Каждый участник процесса выполняет свою функцию. Его действия сами по себе не позволяют решить глобальную задачу по защите общества от преступных посягательств, но в совокупности обеспечивают реализацию назначения уголовного судопроизводства при отправлении правосудия по конкретным уголовным делам. Это значит, что эффективность уголовного судопроизводства во многом зависит от качества межличностной коммуникации⁶.

Выработка мер по оптимизации коммуникативной стороны судопроизводства осложняется ввиду отсутствия в юриспруденции универсальных дефиниций категорий «человек», «индивид», «личность». Они не разграничиваются даже в законодательстве. Это свидетельствует об актуальности междисциплинарных исследований категории «личность», а также проблем межличностной коммуникации применительно к юриспруденции.

Вряд ли кто-либо из правоведов и правоприменителей станет отрицать необходимость использования современных достижений различных наук о человеке и человеческой деятельности при производстве по уголовным делам и

³ Борцова Е. С. История понятия «коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2015. № 2. С. 447—458.

⁴ Комиссарова Я. В., Семенов В. В. Указ. соч. С. 24.

⁵ Не следует путать или отождествлять с «судебной коммуникацией» (судоговорением) — речевым взаимодействием участников судопроизводства. По данному вопросу см.: Кра-совская О. В. Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 2011.

⁶ Об этом мы писали ранее, анализируя проблемы судебно-экспертной деятельности. См.: Комиссарова Я. В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М., 2014. С. 4.

судопроизводстве в целом. Однако в действительности ситуация складывается далеко не однозначная.

Некоторые ученые и практики, в том числе представители судейского сообщества, в последнее время все чаще подменяют понятия. Ошибочно используя в качестве равнозначных категории правдивость/лживость и достоверность/недостоверность, они относят к числу правовых вопросы, разрешение которых входит в компетенцию экспертов (психологов, лингвистов и др.).

Например, Г. А. Миронова правильно пишет, что «в рамках исследований видеозаписи показаний, которые проводят эксперт-психолог или специалист-психолог, могут устанавливаться признаки ложности показаний», но при этом ошибочно полагает, что «понятие «психологическая достоверность показаний» некорректно включает в себя правовой термин «достоверность», и от него следует отказаться»⁷.

Термин «достоверность» не является правовым. И термин, и понятие, которое он обозначает, используются при проведении всех видов теоретических и прикладных исследований. С опорой на позицию известных отечественных ученых — процессуалистов, криминалистов, специалистов в области судебной экспертизы мы неоднократно писали о необходимости разграничения понятий «истинность» («правдивость») и «достоверность» в судопроизводстве, процессуальной оценки доказательств и выявления экспертным путем признаков осведомленности субъекта о юридически значимом событии⁸.

По данному вопросу С. А. Шейфер справедливо отмечал: «В начальный момент доказывания предметом познавательной деятельности следователя являются не доказательства. Изначально в природе доказательства, а именно показания, заключения эксперта, протоколы следственных действий и т.д. (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) не существуют, и существовать не могут. Объективно отражаясь в окружающем мире, исследуемое событие оставляет в окружающей обстановке лишь следы... это еще не доказательства, ибо информации, содержащейся в них, еще предстоит быть выявленной, обрести требуемую законом процессуальную форму»⁹.

Проверка и оценка информации, имеющейся по делу (в том числе с использованием специальных знаний), необходима для того, чтобы ее можно было: во-первых, перевести из разряда криминалистически значимой в доказательственную; во-вторых, отвергнуть как несоответствующую действительности; в-третьих, ограниченно использовать в ходе проверки выдвинутых версий¹⁰.

⁷ *Миронова Г. А.* Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 11.

⁸ См., например: *Комиссарова Я. В.* Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // *Российский судья*. 2023. № 4. С. 22—28.

⁹ *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 12—13.

¹⁰ Подробно см.: *Васильева О. А., Холопова Е. Н.* Проверка и оценка криминалистически значимой информации при расследовании преступлений : монография. М. : Проспект, 2023.

В русском языке слова «правдивость» и «истинность» могут употребляться в качестве синонимов, однако слово «достоверность» по отношению к ним синонимом не является¹¹. Достоверность — это субъективная характеристика знания: «Достоверное знание может быть как истинным, так и ложным. Последний вариант, когда достоверным становится ложное знание, для судопроизводства весьма опасен, так как может приводить к судебным ошибкам. Факт существования судебных ошибок общепризнан, ни в одной стране мира уголовное судопроизводство не свободно от судебных ошибок»¹².

По данным американской некоммерческой правозащитной организации «Проект “Невиновность”», начиная с 1989 г., после проведения ДНК-анализа удалось оправдать 375 человек, 21 из числа которых были приговорены к смертной казни¹³. Оказалось, что одной из основных причин принятия ошибочных решений являются искаженные воспоминания, отраженные в показаниях участников процесса. Это побудило ученых и практиков в США и Канаде заняться разработкой рекомендаций в целях защиты судопроизводства от трагических ошибок из-за неточности показаний¹⁴.

Масштаб проблемы заставил задуматься не только тех, кто по роду своей профессиональной деятельности связан с уголовным судопроизводством.

В октябре 2015 г. на заседании Комиссии ICC по арбитражу и дружественному разрешению споров (далее — Комиссия) выступил английский королевский адвокат Тоби Ландау (Toby Landau QC) с докладом на тему «Ненадежные воспоминания, ложные воспоминания и свидетельские показания». Напомнив об уязвимости человеческой памяти, он указал на отсутствие научно обоснованных методик, используя которые, юристы могли бы повысить уровень доверия к показаниям участников процесса. Также он обоснованно предположил, что некоторые приемы, используемые для подготовки и представления показаний свидетелей по фактическим обстоятельствам в международном арбитраже, могут приводить к искажению информации, на которую опираются арбитры при принятии решения по делу.

Выступление известного адвоката побудило Комиссию создать рабочую группу по вопросам обеспечения максимальной доказательственной силы свидетельских показаний. Было решено привлечь известных психологов, занимающихся изучением памяти, а также опытных специалистов в сфере международного арбитража к проведению исследования в целях повышения осведомленности всех участвующих в международном арбитраже лиц о потенциальных опасностях, связанных со спецификой работы человеческой психики, препятствующих вынесению взвешенных, объективных решений.

¹¹ Фролова О. Е. О языке научного исследования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2 (78). С. 147—154.

¹² Овсянников И. В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 99.

¹³ URL: <https://pravo.ru/story/237716/> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁴ Когнитивная психология: история и современность : хрестоматия / пер. с англ., сост. М. Фаликман, В. Спиридонов. М., 2011. С. 311.

Представители международного коммерческого арбитража грамотно сформулировали задачу, на решение которой были потрачены значительные средства: повышение качества работы за счет минимизации влияния субъективных факторов на результат рассмотрения спора.

По итогам проведенного исследования рабочая группа подготовила отчет «Точность воспоминаний свидетелей по фактическим обстоятельствам в международном арбитраже» (далее — Отчет), который в сентябре 2019 г. был единогласно одобрен Комиссией на встрече в г. Сеуле (Республика Корея) и опубликован в ноябре 2020 г. Членами Рабочей группы по вопросам психологии в международном арбитраже ICC Russia Отчет был переведен на русский язык и издан в 2021 г.¹⁵

В Отчете отмечается, что за последние полвека учеными по всему миру проведены сотни экспериментов, которые продемонстрировали, что люди неосознанно принимают вводящие в заблуждение предположения за свои собственные воспоминания.

Один из самых значимых для правоприменителей вывод, сделанный исследователями, связан с оценкой силы воздействия, которым обладает информация, возникающая до и после события: используя ее, можно достаточно быстро дополнить, урезать или изменить воспоминания добросовестного участника процесса о любом событии, действительно имевшем место.

В Отчете приведен простейший пример. Исследования показали, что оценочные характеристики, включенные в вопрос, могут серьезно повлиять на ответ. Например, когда участников эксперимента просили определить продолжительность фильма, одних спрашивали, как долго он шел, а других — как быстро закончился. В первом случае оценка составила, в среднем, 130 минут, а во втором — 100 минут¹⁶.

Это значит, что важна каждая конкретная формулировка вопроса, адресуемого участнику судопроизводства. Замена одного слова на другое может существенно изменить его показания.

Безобидная на первый взгляд информация способна спровоцировать «перезапись» существующего воспоминания. За счет внешнего воздействия образы, сформировавшиеся в памяти человека в связи с каким-либо событием, не просто видоизменяются, в них появляется множество элементов, которых изначально не было и не должно быть, поскольку они оторваны от реальности. Риски растут, когда источник дезинформации вызывает доверие. Так, участники судопроизводства, полагаящие, что другой свидетель наблюдал то или иное событие дольше них, с большей вероятностью соглашались с неверными утверждениями.

Не соответствующая действительности информация о событии не просто приводит к искажениям, но зачастую влечет формирование так называемых ложных воспоминаний, которые ничем не отличаются от воспоминаний о событиях, имевших место в действительности. Данный тип воспоминаний следует отличать от добросовестного заблуждения и целенаправленной лжи, когда

¹⁵ Кайсин Д. В., Калиш Я. В. Выбор свидетеля для целей разбирательства в международном арбитраже: практические вопросы и психологические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 38—39.

¹⁶ Вестник психологии в международном арбитраже. Вып. 1. М., 2021. С. 12, 36.

человек может признать свою ошибку: арсенал тактико-криминалистических, психологических и прочих рекомендаций по преодолению заблуждения и разоблачению лжи достаточно велик. Опасность ложных воспоминаний заключается в том, что человек не готов от них отказаться даже при наличии неопровержимых аргументов.

Разного рода заблуждения оказывают существенное влияние на поведение людей, побуждают их менять свои показания. Игнорировать данный факт недопустимо.

Этот вывод стал руководством к действию для Комиссии, призванной готовить отчеты и рекомендации по правовым, процедурным и содержательным аспектам разрешения споров. Поскольку свидетельские показания являются не просто элементом разбирательства, но зачастую занимают в нем центральное место, были разработаны конкретные предложения, адресованные сообществу специалистов по международному арбитражу. Значительная их часть вполне применима и в судопроизводстве.

Здесь-то и возникает проблема человеческого фактора: «Помимо ловушек, связанных с возможными искажениями воспоминаний свидетелей, одной из серьезных задач для арбитров становится осознание своего собственного пристрастного отношения, которое влияет на восприятие свидетельских показаний. Арбитры — это люди, и они выносят суждения и принимают решения так же, как это делают другие люди»¹⁷.

Являясь субъектом сложной системы социальных отношений, каждый человек решает стоящие перед ним задачи, исходя из имеющихся психических возможностей, руководствуясь своими привычками и предпочтениями, социокультурным опытом, приобретенными знаниями, навыками и т.д. И не важно, кто перед нами — обвиняемый или следователь, «дистанцироваться» от собственных биологических, психологических и социальных свойств, игнорировать их никому не под силу. На этапе судебного разбирательства проблема приобретает особую остроту, поскольку правоприменители сталкиваются с необходимостью принятия судебного решения, непосредственно затрагивающего права и свободы не только подсудимого, но и других участников процесса.

С учетом изложенного нам представляется чрезвычайно важной просветительская деятельность, осуществляемая в обозначенном направлении силами профессорско-преподавательского состава Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Первым мероприятием стала научно-практическая конференция, организованная в июне 2019 г. совместно кафедрами криминалистики, уголовно-процессуального права, адвокатуры «Получение, оценка, использование показаний в уголовном судопроизводстве: человеческий фактор и цифровые технологии». Доклад доктора психологических наук, доцента В. В. Нурковой (в настоящее время — профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Российской академии наук) на тему «Показания — “царица доказательств” или “жертва заблуждений”?» побудил юристов взглянуть на показания участников судопроизводства под новым углом.

¹⁷ Вестник психологии в международном арбитраже. Вып. 1. С. 3.

Дискуссия получила развитие в апреле 2022 г., когда кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Рабочей группой ICC Russia по вопросам психологии в международном арбитраже в рамках IX Московского юридического форума провели конференцию «Научные тактико-криминалистические решения для профессиональной юридической деятельности».

В декабре 2022 г. кафедра гражданского и административного судопроизводства в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» провела круглый стол «Очная и онлайн-коммуникация в гражданском судопроизводстве: можно ли поставить знак равенства?». Его активными участниками стали сотрудники Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судьи арбитражных судов, судов общей юрисдикции, компаний, осуществляющих внедрение цифровых технологий в деятельность судов, представители сферы юридического образования и юридической науки, практикующие юристы, специалисты в области психологии и психофизиологии человека.

Конкретизацию обсуждаемых вопросов, расширение состава и географии участников можно только приветствовать, поскольку, как было отмечено выше, качество межличностной коммуникации в рамках судопроизводства непосредственно влияет на оценку его социальной значимости, укрепляя или дестабилизируя систему правосудия в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борцова Е. С.* История понятия «коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. — 2015. — № 2. — С. 447—458.
2. *Васильева О. А., Холопова Е. Н.* Проверка и оценка криминалистически значимой информации при расследовании преступлений : монография. — М. : Проспект, 2023. — 144 с.
3. Вестник психологии в международном арбитраже. — Вып. 1. — М. : ICC Russia, 2021. — 78 с.
4. *Кайсин Д. В., Калиш Я. В.* Выбор свидетеля для целей разбирательства в международном арбитраже: практические вопросы и психологические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 12. — С. 37—42.
5. Когнитивная психология: история и современность : хрестоматия / пер. с англ., сост. М. Фаликман, В. Спиридонов. — М. : Ломоносовъ, 2011. — 383 с.
6. *Комиссарова Я. В.* Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // Российский судья. — 2023. — № 4. — С. 22—28.
7. *Комиссарова Я. В.* Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 368 с.
8. *Комиссарова Я. В., Семенов В. В.* Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 224 с.
9. *Колесникова С. В.* Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 352 (Ноябрь). — С. 183—186.

10. *Красовская О. В.* Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Киев, 2011. — 38 с.
11. *Миронова Г. А.* Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2022. — 22 с.
12. *Овсянников И. В.* Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 511 с.
13. *Фролова О. Е.* О языке научного исследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 2 (78). — С. 147—154.
14. *Шарков Ф. И.* Основы теории коммуникации : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 350400 «Связи с общественностью» / Акад. труда и соц. отношений. — М. : Соц. отношения, 2002. — 245 с.
15. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 184 с.